

Записки из онкологического центра

Сибирские нивы №4, 2016

На изломе

Это здание стоит в Омске несколько в сторонке, на окраине. Хотя растущий город постепенно подобрался к нему вплотную и даже пытается понемногу обойти. И все равно это строение смотрится особняком.

Сюда каждое утро стекается множество автомобилей, маршрутных такси и автобусов. Из них к зданию направляется поток людей. Когда подходит автобус, этот поток больше похож на лавину. Что ж тут необычного?.. Обычная городская картина.

И все же что-то, издалека, может, и не особенно видимое, становится просто невозможно не заметить, когда подходишь ближе... Быстро понимаешь, что это люди, у которых со здоровьем явно что-то не так... Глаза у этих людей не такие, даже не такие, как у посетителей обычной больницы. Здесь много лиц, отмеченных некоей неуловимой печатью... Это опять-таки глаза... И не только. На всем облике этих людей – не всех, но многих – лежит печать какой-то безнадежности или даже обреченности. Нет, они идут. Они намерены бороться.

Иногда их сопровождают. Эти сопровождающие выглядят по-другому. Они озабочены. Они стараются для тех, других, чьи лица словно утратили некий огонек. Не все больные утратили... Но утративших много.

Поток направляется к дверям, над которыми крупно написано: «Онкологический диспансер».

Я тоже иду сюда. Не знаю, как со стороны выглядит мое лицо. Честно говоря, задумался об этом только сейчас, когда стал писать о других лицах. Хочу надеяться, что на моем лице нет обреченности. Но спешить с выводами не надо... Не все так самоочевидно.

Да. Нам, христианам, свойственно говорить, что мы другие. Что мы по-другому реагируем, по-другому оцениваем, по-другому живем и по-другому умираем. И по большому счету это все именно так. Но... Жизнь и особенно ее изломы ясно покажут и нам самим (к сожалению, часто не в первую очередь), и другим, сколько в нас на самом деле христианства.

И еще. На этих изломах мы можем вдруг обнаружить, сколько в нас простого человеческого естества. И нас могут даже ждать открытия, что люди, далекие от Бога, порой справляются с этими изломами лучше, чем мы. И тогда встанет вопрос о качестве нашего христианства.

Может, для этого Господь и усматривает эти изломы?

Мы говорим о благовестии. И это правильно. Мы благовествуем, рассказывая людям о Христе. Почему Павел мог говорить, что сила Божья при этом действовала в нем могущественно? Можем ли мы тоже так сказать? Или смущенно замолчим? Найдем «мудрый» путь длинных объяснений? Или честно посмотрим правде в глаза и найдем то, из-за чего наша соль теряет силу или остается в солонке?

Изломы, или повороты нашего жизненного пути...

Чаще всего мы не видим и не знаем, что нас ждет там, за поворотом. Но у всех однажды наступает такой момент, когда очередной поворот выводит нас на финишный отрезок дороги.

Да, зачастую мы говорим, что христианин готов ко всем перипетиям жизни. Но... вот дорога повернула, и вдали, а может, и совсем близко – стена тумана, в которой так недвусмысленно проглядывает образ смерти. И тебе нужно, порой совсем неожиданно, не просто рассказать знакомую строчку из 22-го Псалма, а реально войти в долину смертной тени. О чем там заговорит мое сердце? Что станет с моим благовестием? Будет ли сила в моих словах? Не остановлюсь ли я в страхе, не стану ли цепляться за придорожные кусты? Не окажется ли моя смелость при виде смерти – плохо приукрашенной бравадой?

О, сколько вопросов!..

И на каждый из них обязательно будет ответ. Даже если я сам его и не произнесу вслух.

Мое поведение. Мое восприятие происходящего. Мои глаза. Мой облик. Да и мои слова тоже. Мое терпение. Или нетерпение. Мои объяснения и мои действия, мое молчание и бездействие, да и все, даже мелкие детали моего бытия вдруг станут не просто говорящими. Они превратятся в громкоговорители, которые мне не заставить замолчать...

Итак, поворот. Непростой поворот.

Расскажу, как его прохожу я.

Последние два года меня часто настигали простудные заболевания. Во всяком случае, мне так казалось. Нет, их и диагностировали так, если я обращался в больницу. Но многое переносил на ногах. Поскольку наш график поездок и всевозможных обязанностей не располагает к лежанию в больнице.

Но врачами я не пренебрегал. Так сложилось, что по тем или иным причинам я за два года трижды прошел флюорографию, по общегосударственной программе диспансеризации населения прошел более детальное, чем обычно, обследование. Все было «хорошо».

За эти два года – да собственно, болячки мои начались даже раньше – многое изменилось и в течении жизни нашей семьи. Мы поменяли место жительства.

Можно много и долго об этом рассказывать, но поделюсь только несколькими моментами. Моя жена как-то заметила: такого количества явных Божьих ответов на молитвы, как за время нашего переезда и строительства нового дома, мы не получали много лет. И это действительно так. Скажу только, что в Азово купить дом достаточный по площади для нашей семьи мы с нашими средствами просто не могли. А если бы и заняли денег, чтобы добавить к вырученным от продажи дома в Славгороде, то купили бы строение, совсем несопоставимое с тем, что мы имеем сейчас. По сути, мы смогли построить два дома. С семьей наших детей мы построили большой дом на одном участке. Господь дал нам милость во всем. Не было остановок ни из-за средств, ни из-за материалов, ни из-за рабочих рук. Почти всё мы сделали собственными руками. Нет, первой была рука Господня...

И вот когда мы уже перезимовали в новом доме, у меня обострилось течение моей «простуды». Весной на стройке – она у нас, похоже, закончится еще не скоро – стал замечать, что не могу прыгивать с козлов, боль отдает по всей правой стороне груди. А впереди – очередная учебная поездка в Германию на сессию библейской школы...

Я с большой благодарностью Господу воспринял сам факт начала служения в нашем объединении библейской школы. И хотя в сердце всегда есть и трепетный страх, не сделать бы из этого благого дела источник трудностей и проблем, но радость от испытанных благословений – несравненно выше.

И вот я в пути. Наши германские братья всякий раз радушно принимают нас, всегда просят соучаствовать в назидании, хотя мы с большим наслаждением всякий раз готовы просто принимать удивительные Божьи уроки в занятиях и удивительно теплом и простом братском общении. Всякий раз неделя благословенного общения пролетает так быстро...

Но в этот раз, уже прилетев туда, я понимал, что будет нелегко. Грудь сдавливало, и режущая боль не давала свободно дышать. Все более усиливающийся кашель делал мое присутствие на уроках неудобным, да и в свободное время отнимал немало сил.

В конце концов братья увезли меня в ближайшую медицинскую клинику. Вокруг меня сновали доктора, очень оперативно взяли все анализы, сделали УЗИ и рентген, с помощью капельницы ввели обезболивающий препарат.

И... сказали:

– У вас все хорошо... Это похоже на невралгию...

После капельницы боль прошла, и я решил, что, наверное, я слишком мнительный и надо просто взять себя в руки. Но наутро я снова был в прежнем состоянии... На

обезболивающих дотянул эту сессию. А по приезде домой попал в больницу, сначала с предположением на пневмонию, а потом – диагностический центр и направление в онкологию.

Вот и обозначился тот самый резкий поворот. Вчера ты находился в активном служении, плохо успевал все охватить, а теперь – очереди онкологической клиники, кажущееся бесконечным ожидание приемов и анализов, переменчивые мнения и вердикты, биопсия и, наконец, когда все собрано, – консилиум.

Врачи о чем-то активно переговариваются на своем малопонятном мне медицинском языке. Я ловлю только обрывки фраз: «Кальцинаты есть... карциноиды... лимфопатия...» Один за одним подходят к моему стулу сзади и трогают почему-то мою шею.

Наконец их переговоры заканчиваются.

Ведущий специалист, не глядя мне в лицо, говорит:

– Ну что вам сказать... У вас обширное распространение. Операцию делать поздно. Предлагаем вам химиотерапию. Вы согласны?

Как?! На бронхоскопии врач, смотревший мои легкие, восхищался ими, а тут... рак легкого... и запущенная форма, неоперабельная... Такое вообще может быть? Я ведь никогда не курил... Мы, христиане, ведем в целом здоровый образ жизни...

Нет, ничего этого я тогда не сказал. Казалось, что слова врача имеют с реальностью мало общего. Уже потом я осмыслил, что это и есть классическая человеческая реакция на такие неожиданные новости.

Я пытаюсь «поторговаться» – тоже, оказывается, типичное проявление человеческой природы:

– А у меня варианты есть?

Врач еще ниже опускает голову:

– Мужчина, у вас немного вариантов...

Потом, глядя мне прямо в лицо, добавляет:

– У вас, мужчина, нет вариантов.

Поворот пройден. Я стою перед новой реальностью.

То, что мы всегда допускаем теоретически возможным, теперь предстоит пройти на практике...

Не расточай свои печали

В коридоре седьмого этажа онкоцентра, в самом его конце, на сиденьях вдоль стенок собралась группа примечательных пациентов. Вообще этот этаж отдан хирургическому отделению. Но в этой части есть особенная палата. Я назвал ее «конвейерной». Правда, несколько позже. А пока я приглядываюсь.

Я здесь новичок. Один за другим пациенты скрываются за дверью напротив. Сдают кровь. Анемичные, отечные лица, у многих мужчин лысые головы, у женщин – парики. Сдержанная тишина изредка прерывается короткими фразами.

Позже мне станет ясно, что процесс сдачи анализов связан с животрепещущим вопросом – допустят ли до следующей «химии»... Не случайно на лицах в этой очереди смешанное выражение апатии и тусклой надежды. Раньше я думал, что это несовместимые понятия... Апатия и надежда... Последняя едва пробивается из-под темного покрывала безнадеги...

Мне, как новичку, пока беспокоиться не о чем. Моя кровь еще не испытала ударов сильнейших химиопрепаратов.

Палата, где делают первую капельницу, – на восемь коек. Матрасы обшиты плотной, похожей на брезент тканью. Каждый приходит со своей простышкой, занимает свободное место. Получив свою «порцию» встает, немного приходит в себя и уступает следующему страдальцу место на койке. Конвейер.

Мне предстоит около четырех часов «вливания». Волнения нет. Во всяком случае, мне так кажется. За дни ожидания поступления препаратов, назначенных мне, многое

произошло. Еще до утверждения диагноза ко мне приехали дорогие братья служители и совершили молитву с помазанием. Тепло и сердечно пообщались.

Отметил для себя, что только первый раз испытал, что это такое, когда молитва с помазанием совершается над тобой, хотя уже столько раз совершал это служение над другими.

Еще до этого, да и после, были бессонные ночи. Постоянный прием обезболивающих. И вереницы мыслей... Мысли, мысли, мысли...

В библейской школе у нас есть предмет «Душепопечение». А в нем раздел: душепопечение в отношении умирающих. Сколько раз я теперь прокручивал в уме знакомый материал. Пять стадий, через которые обычно проходит человек, услышавший в отношении себя смертельный диагноз. Они давно определены из опыта и сформулированы американским врачом Элизабет Кюблер-Росс.

Иногда хочется не согласиться с приведенными там формулировками... Они, конечно, и не схема, которая действует неотвратно и в каждом случае. И все же смысл в этих формулировках есть. Теперь я прохожу их, уже находясь по другую сторону материала... Анализирую. Мысли, мысли... Глубокие воды. Но в присутствии Божьем этот смутный океан уступает свету божественного откровения. Его лучи проникают в самое сердце и высвечивают реальность.

Духовное состояние христианина не изменится вдруг, в момент, когда беда постучит в двери. Смертельный диагноз застает нас такими, какие мы есть. И не нужно надеяться на чудо, что в экстремальной ситуации на нас вдруг снизойдет «внеочередной дар благодати». Конечно, посещения Божьи – несказанное счастье и в долине смертной тени. Но как правило, они приходят не сразу. Прежде предстоит увидеть себя. И если христианство было теоретическим, то не стоит рассчитывать, что все в одночасье исправится только потому, что мы оказались в тяжелейшем переживании.

Скорее, каждый из нас встретит свой крутой поворот в конце жизни так, как он жил до этого. Мера духовной зрелости определит то, каким он будет, наш спуск в долину смертной тени.

А пять стадий принятия неизбежного, по Кюблер-Росс, следующие: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие.

Кто-то может сказать, что это не так, что у христианина все происходит по-другому, но... Еще раз скажу, не стоит спешить с резки-ми оценками.

Нет, я не могу сказать, что я принял свой диагноз с гневом или отрицанием. Кажется, я не спорил. Ни с врачом, ни с Богом... Кажется... Но как понимать свои чувства и мысли, которые особенно в начале никак не могли вместить, что все это происходит со мной, как оценить желание сказать самому себе, что допущена диагностическая ошибка, что все как-то нереально? Я ведь на ногах, могу еще на короткие расстояния проехать за рулем машины... Разве больные в четвертой стадии, как меня оценивают медики, не лежачие, которым нужна сиделка?

О, сколько разных аргументов может подсказать человеческое сознание. А стоит за этим простое отрицание, неготовность принять реальность такой, какая она есть...

И вот позади проверочные исследования, всё подтверждается, и я – в «конвейерной» палате. Несговорчивое сознание уступило фактам, и, с помощью Божьей, хочу просто в смирении принять свою долю. Конечно, впереди – углубление самоанализа, еще не одно открытие. На основании уже пройденного можно достаточно уверенно предполагать, что эти открытия далеко не всегда будут радостными.

Но я хочу учиться.

Последние годы в сердце и на устах была частой одна молитва: «Господи! Достигни во мне Твоей цели...» Бог слышит молитвы. То, что сейчас происходит со мной, – это ответ. Нет, еще не весь. Но его часть.

Когда смог принять это, в сердце водворился покой...

Я понимаю, что герой из меня не получится. Но я точно знаю, Кто настоящий Герой. Кто держит в Своих руках мою жизнь. Кто направляет все обстоятельства. Кто заботливо Своей пастырской рукой направляет к цели.

Не расплескать бы оставшиеся дни... Не растратить попусту время, отведенное Господом для завершающих уроков жизни.

Мне так по сердцу название одной книги Павла Биллхаймера: «Не расточай свои печали». Действительно, не расточить бы. А способность к этому у меня есть. Удивляюсь изворотливости моей плоти – и в завершающем классе моего обучения в школе Божьей она тут как тут. Находит лазейки и диктует свое мировосприятие. Вот одна небольшая иллюстрация.

На первой «химии» встретил приятную пару. Он – недавно вышедший на пенсию мужчина, несколько грузный, хотя, очевидно, уже потерявший в весе из-за болезни человек. Она – сухонькая, подвижная женщина с живыми и в то же время грустными глазами. После шести сеансов химиотерапии его опухоль, было уменьшившаяся в размере, снова «выстрелила» и начала распространяться. Ему поменяли схему, а может, и препарат. У него начала болеть поясница, и теперь его верная жена не отходит от своего любимого.

Эта женщина при всей своей сконцентрированности на муже сохранила способность замечать ближних и делить с ними свое внимание и участие. Дала несколько небольших, но дельных советов по больничному быту, живо участвовала в разговоре о том, что можно сделать и чем помочь при стоматите, вызванном химиотерапией, и так далее. А потом, подойдя ко мне и наклонившись пониже, чтобы избежать лишней огласки, прошептала:

– Знаете, что еще может помочь? Мы каждую неделю идем в церковь и заказываем особую молитву... И надеемся...

Вот тут-то и сказалось мое неумение вовремя заметить и правильно оценить момент, распознать душевное состояние человека. Я улыбнулся... Нет, не иронически и конечно уж не саркастически. Это была улыбка, значение которой я понял только после, когда осмысливал прожитый день. Это было некое чувство собственного превосходства, что ли...

Я сказал:

– Обо мне молится почти полмира. И в России, и в Германии, и в Америке...

Лицо моей собеседницы словно накрыло тенью. Она тихо и печально произнесла:

– А мы вот только нашей семьей молимся...

И медленно отошла к постели мужа.

Как хотел я после еще раз встретить эту добрую женщину и попросить у нее прощения! За духовную бестактность. За неумение понять. За гордость и высокомерие.

А гордость – первый грех.

Я искренне рад, что у меня много друзей и родных. Как по плоти, так и, главное, по духу. Я рад, что они с неподдельным участием и глубоким переживанием молятся обо мне. Уверен, Бог воздаст им за их добро. Но я... Я почувствовал себя выше моего ближнего. Из добра и соучастия моих друзей и родных я сделал себе постамент, чтобы с его высоты поглядывать на окружающих...

Прошло уже немало времени после первой химиотерапии. А своих соседей по той процедуре я пока так и не встретил. Нет, я не казню себя безутешным самобичеванием, но урок я вынес – никогда не спешу языком своим! А с теми, кто борется со смертельным врагом – болезнью, – будь тройне внимателен.

Бога не возьмешь числом голосов. Трепетная, искренняя молитва одного человека в Его глазах может весить больше, чем складные и многочисленные молитвы современных фарисеев, каким я вдруг увидел себя. А гордость делает человека черствым, во всяком случае на уровне тонких духовных восприятий. И делает нас неспособными послужить утешением, лишает способности стать для страдальцев знаменитым евангельским Милосердным Самарянином.

Хочу не только учиться, но и научиться.

Помоги ближнему. Постарайся его понять. Выиграют от этого все. И ты сам не в последнюю очередь. А гордость... Что ж, она гордость и есть. Один из смертных грехов...

Чтобы мое благовестие смертельно больным людям было действенным, нельзя давать место плоти. Господи! Достигни во мне Твоей цели...

А. И. Вейс (Продолжение следует)

Сибирские нивы №1, 2017

Новое постижение старых истин. Христос воскрес!

В человеческой жизни есть много граней, но в жизнь онкологических больных реальность неизбежно привносит все новые и новые и до неузнаваемости меняет привычные.

Конечно, я не могу похвалиться какими-то совершенно небывальными откровениями, но многое действительно воспринимается по-новому. Должен признать, что сейчас гораздо глубже постигаю многогранную истину, о которой уже не раз размышлял раньше и которую можно выразить так: самые простые вещи Богу зачастую приходится объяснять нам дольше всего... А глубина этих простых истин – просто выше всякого разумения.

Разрешите привести несколько примеров.

Первая простая истина: доверяй Богу.

Слишком просто? А вы попробуйте.

Доверять, когда стоишь за кафедрой, когда у тебя все относительно благополучно – действительно в какой-то мере несложно. Но когда душу осаждают страх и угроза смерти...

Для себя усвоил эту истину так: можно много знать и кончить все мыслимые и немыслимые богословские учебные заведения, но если даже при гигантском знании богословия ты не можешь доверять Богу, то вся твоя теология становится просто грехом и ничего не стоит, кроме напрасно проведенных на ее изучение лет.

Постигать ценность доверия Богу предстоит до конца дней.

А Бог действительно достоин того, чтобы Ему доверять. Эта простая истина испытывает постоянное давление со стороны страхов и волнений, атакуется тяжелыми обстоятельствами, шквалом негативных новостей; ее пытаются уничтожить коварное сомнение и легионы демонов. Дьявол прекрасно знает ценность простого доверия Богу и пытается именно его разрушить. И тот, кто спускается в долину смертной тени, пусть еще крепче ухватится за спасительное доверие Всемогущему Богу.

Простая истина... Доверяй Богу и найдешь покой... Можно ли сказать, что я уже вчера понял это и этот урок мне не нужно повторять? Нет, не так. Вчерашним доверием сегодня жив не будешь. Так что каждый день все снова и снова – доверяй Богу. Пожалуй, примеры, подтверждающие эту истину, достойны того, чтобы о них написать отдельно, что я в будущем, если Господь позволит, еще сделаю.

Другая истина тоже имеет простую формулировку. И тоже весьма важна в практике христианской жизни. Давайте поговорим о ней именно с точки зрения практики.

Онкологические больные часто слышат простые (до банальности) фразы: «Вам нельзя расстраиваться... Вам нельзя унывать... Вам нужно сохранять позитивный настрой...». Так нам говорят все. И близкие (особенно те, кто уже соприкасался с такой напастью, как рак), и сами больные так подбадривают друг друга (или пытаются это делать, если сами еще не сдались в борьбе с болезнью), и врачи. В общем-то, наставление не унывать – вполне христианское и должно восприниматься нами как уместное напоминание.

Вот только в устах мирских людей в этих ободрениях мне всегда слышится элемент некоей фальши. Нет, я не подозреваю их в лицемерии. Но вот основания настоящего в этих наставлениях я как-то не чувствую и не вижу...

Какое-то основание у них, конечно, есть. Но оно, как правило, такое (извините за каламбур) безосновательное... Потому что оно – в самом человеке. Большинство людей только в себе самом и видят единственно надежный источник. «Держись, борись, нет-нет, ни в коем случае не сдавайся, не опускай рук, держись-держись!» А за что держаться-то? А вот за то, что сам в себе имеешь. Не унывай. Крепись изо всех сил...

Особенно фальшиво эти слова звучат в коридорах больниц и поликлиник. Медик может вполне аргументированно объяснить вред негативных эмоций и... отказать в бесплатном лечении. Или не отказать, но в «силу объективных причин» отложить начало лечения на не- сколько месяцев. Отправить в регистратуру на дополнительную запись на прием, заведомо зная, что талонов до конца месяца нет и не ожидается. Хотя пять минут назад говорил о важности своевременного лечения. И при этом тот же врач скажет вам: не унывать!

Что делать христианину?

Во-первых, чего не делать. Не встать в ряды возмущенных. Поверьте, это не всегда легко. Столкновение с несправедливостью может ранить, и причем неожиданно сильно и больно... Ведь нам так естественно ожидать сочувствия к смертельно больным... Нет-нет! Не спешите одеваться в мантию «справедливо обидевшихся»!

А во-вторых, что делать (последовательность можно поменять). Взять в руки Евангелие... И пойти к Основанию... Пойти такими знакомыми тропами библейских откровений и в молитвенном ожидании увидеть их новизну. И вкусить ее, вкусить тайну таких неизмеримых в своей простоте вечных откровений...

Я хожу по лесу. Болезнь выбила из круга привычных дел, заставила опираться на палочку и делать по мере сил прогулки. Благо, на новом месте жительства лес рядом. Хожу среди берез, вдыхаю запах трав и листвы, молюсь, вспоминаю, размышляю... Тема «Не унывай» занимает в размышлениях не последнее место.

Вспоминаю вдруг слова женщины, которая вписала свое имя в историю современного Израиля. Ее звали Голда Меир. Пятый премьер-министр еврейского государства. Годы ее правления выпали на период весьма нелегкий для страны. Упомяну только один эпизод – войну Судного дня, Йом Киппур. Израилю пришлось тогда нелегко. Голде Меир тоже. Можно только предполагать, сколько непростых вопросов ей приходилось не только решать, но и нести прямую ответственность за свои решения, отвечать на шквал критики и давление прессы.

Однажды Голде задали вопрос: ведомо ли ей уныние? Она ответила: «Пессимизм – это роскошь, которую евреи никогда не могут себе позволить».

Я шел по лесу и размышлял: откуда у этой еврейской женщины такая твердость? На что она опирается? Чем обоснован ее живучий оптимизм? Конечно, в ее фразе можно увидеть и некую национальную гордость, и попытку обобщить многовековую историю страданий и небывалого опыта выживания этого удивительного народа. Да, мы понимаем, что секрет этого невиданного выживания не в наличии большого количества людей, подобных Голде Меир, а в обетованиях Божьих. В завете Бога со Своим народом... И все же евреям не откажешь в удивительной жизнеспособности, стойкости и оптимизме.

А что можно сказать о нас, христианах? Как выглядит наше отношение к вопросу обоснованности нашего «неуныния»?

Я неторопливо шел по лесу и размышлял...

Вот тут-то и случилось еще одно «рядовое христианское чудо»! В том предосеннем лесу у меня вдруг начался настоящий праздник Пасхи!

Христос воскрес! И этим все сказано! Вот оно, бессмертное, точнее, победившее смерть основание для того, чтобы не унывать.

Христос воскрес... Разве я этого не знал с детства? Знал. Но когда ты реально смотришь в лицо смертельной болезни, глубина этой истины, поверьте, изменяется. Да, я уверенно говорил эту фразу еще в детстве: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Но только осознание силы воскресения вливает в душу способность победить уныние.

Уныние, которое приступило к душе, вооруженное аргументами смерти. И противопоставить ему нужно не просто человеческие средства самовнушения и самоупования, не современные «мантры» так называемых аффирмаций* (*Аффирмация – словесная установка, которую формулирует человек для самого себя в целях достижения определенного самоизменения путем частого произнесения вслух*), которые так старательно внушают людям современные психологи. А старую и вечно новую истину о том, что, а точнее, Кто сильнее смерти, – Христос распятый и воскресший.

Итак, почему мы не унываем? Потому что Христос воскрес. Павел написал об этом так: «Но, имея тот же дух веры, как написано: "я веровал и потому говорил", и мы веруем, потому и говорим, зная, что **Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас** (выделено мной. – А. В.) и поставит перед Собою с вами. Ибо всё для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию. **Посему мы не унываем**; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 13–16).

Кстати, это и нерушимое основание нашего доверия Богу.

Простые истины. Но еще раз повторяюсь: их глубину нам приходится постигать всю жизнь. Однако это самая нужная и практически ценная библейская школа. Наполненные этими истинами, мы можем не просто пройти долиной смертной тени, но и стать благословением для тех, кто оказался в этой долине рядом с нами.

Воистину, христианам есть что дать людям. Дать то, чем нас обогатил Господь.

Новое постижение старых истин. Господь – Пастырь мой

Жизнь с онкологией – новая реальность, которая, однако, сама по себе не делает человека новым. Эта простая мысль может показаться банальностью, но с ней теперь приходится сталкиваться не на страницах книги или журнала. И это столкновение далеко не всегда проходит безболезненно. Порой обнаруживается и такая грань нашего человеческого естества, как достаточно высокая, если не сказать завышенная требовательность в отношении Бога.

Как я уже писал раньше, нам может казаться, что Бог в новых суровых обстоятельствах «должен» дать нам некую особую благодать для победы в неравной борьбе с болезнью. Порой мы весьма искренне молимся и практически уверены, что Бог выйдет навстречу и все будет хорошо...

Он действительно выходит нам навстречу. Он действительно дает удивительную благодать. Но делает Он это зачастую не так, как мы того ожидаем (а иногда и предписываем). Человек, искренне рассчитывавший на помощь свыше, после недель, а то и месяцев (если не лет) бесплодного ожидания нередко опускает руки. Горе тому, кто в итоге разочаруется в Боге. И напротив, благо тому, кто, испытав крушение надежд и даже разочарование, вдруг обнаруживает, что это не разочарование во Всевышнем Боге, а разочарование... в боге. Да-да, с маленькой буквы...

Мы входим в болезнь с тем уровнем богопознания, которого достигли до этого. Или, лучше сказать, до которого доросли. И здесь может обнаружиться, что Бог в нашем мировоззрении «был наделен» качествами, Ему не присущими. Такое богопознание приведет к страшному кризису. Бог не будет подтверждать приписанные нами Ему черты характера и личности. И нам придется расстаться с ложными представлениями о Нем, Вседержителе. Такое расставание на самом деле не катастрофа, а возможность начать все сначала.

Последние годы я все чаще благодарю Бога за то, что мне ничего не нужно Ему объяснять. Я испытываю настоящее наслаждение от этой опять-таки простой мысли. Что я могу сказать Богу, о чем Он не знает? Неужели может быть что-то, чего Он не учел? И уж конечно я не могу убедить Его в том, чего нет. Перед Ним можно просто смолкнуть в благоговейном трепете...

Но вот смолкаем ли? Не хочется ли порой все же в чем-то Его убедить? Нет-нет... Остановись. Это бесполезное занятие. Просто доверься Ему.

Вместе с тем Бог хочет, чтобы мы с Ним говорили. Чтобы в молитве открывали Ему свои желания и понимание всех вещей. Нет, не для того чтобы мы что-то добавили к Его познаниям. Это действительно невозможно. Скорее, Он, Который есть Любовь, дает нам понять, что именно такой искренний и открытый разговор с Ним – нужен нам. Не Он узнает из этих молитв что-то новое о нас. Это мы узнаем Его и учимся настоящей истинности и честности.

В результате мы переходим на новый уровень общения с Ним, с Богом, Творцом и Владыкой всего существующего, с нашим Господом.

Глубокое познание Бога открывает двери и к новому качеству отношений с людьми.

Я не имею в виду, что мы на пороге смерти вдруг станем лучше понимать людей в том смысле, что получим некую «сверхпроницательность». Нет. Но отношения с людьми будут меняться в прямой зависимости от степени нашего возрастания в богопознании.

С одной стороны, смертельно больной человек все больше и больше зависим от людей. С другой – его углубляющееся сознание зависимости от Бога (если это так), постепенно сводит на нет его духовную зависимость от людей. Нет, он не впадает в состояние самодостаточности и превозношения над окружающими. Отнюдь...

Богопознание некоторых людей приводит нас в крайнюю степень изумления. Нам так хочется подражать этим свидетелям истинной веры, нашим наставникам. И это правильно. Они оставили нам свидетельства, которые ведут нас к Единственному Источнику... Они учат нас зависимости от Него Одного.

Свидетельства эти остаются как в поступках, так и в наставлениях, порой в простых и очень емких высказываниях.

Некоторые высказывания мы склонны рассматривать почти как афоризмы и можем упустить глубину скрывающихся в них истин. Так, например, некоторые люди читают книгу Притч, испытывая эстетическое наслаждение от поэзии мудрости, удивляясь меткости того или иного высказывания, но пропуская мимо те уроки, которые Бог хочет преподать через эти притчи.

Вот еще один такой больше чем афоризм: *Тому, кто воистину боится Бога, не свойственно бояться людей.* Истинный страх Божий всегда связан с любовью к Богу. А совершенная любовь изгоняет страх. Страх перед людьми...

Страх человеческий многолик. Он может приобретать самые разные формы. Иногда мы боимся сильных личностей. Иногда наша привязанность к нашим близким рождает страх их потерять.

А бывает и такой страх перед людьми, который связан с неверным пониманием благодати. Это когда мы попадаем в зависимость от тех, кого считаем сосудами благодати. Нам так легко даже людей, которые действительно исполнены благодати Божьей, превратить в свои скрытые кумиры.

С другой стороны, подобное рассуждение может привести к опасной черте – пренебрежению пастырями и служителями, поставленными Богом в церкви. Их действительно должно почитать. Но при этом помнить, что об этом написал Апостол Павел: «Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и при- том поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посею и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий» (1 Кор. 3, 5–7).

Приближение к вратам смерти, или, лучше сказать, к долине смертной тени, может побудить нас в панике начать искать помощи у людей. Мы вдруг изо всех сил начинаем цепляться за тех, чьи проповеди приносили нам наибольшее назидание, чье духовное влияние было для нас определяющим...

Вера в человека, даже самого духовного, не проведет нас через долину смерти в царство жизни. Есть только Один, Кто является нашим воистину Добрым Пастырем. Это

наш Иисус. Он Сам прошел этой долиной. И сегодня вопрос ко мне: я только проповедовал о Нем или знаю Его?

Если я судорожно ищу, за кого бы ухватиться, то, наверное, с моим богопознанием еще что-то не так. Кого больше почитаем, того мы на самом деле и больше боимся. А боязнь перед людьми ставит сеть...

Не променяй веру в Бога на веру в человека.

Я помню, как сестра-узница однажды в откровенном разговоре со мной сказала: «Веру в человека я потеряла на зоне...» Я на зоне никогда не был. Но могу сказать, что веру в человека тоже потерял. И об этом не жалею. И даже больше того, прошу Господа, чтобы вера в человека и не воскресла...

Помню, как в личной беседе мое свидетельство об этом смутило одного из братьев. Он отвел глаза и несколько потерянно произнес: «Но так ведь и веру в Бога можно потерять...»

Видимо, очень уж сильной бывает зависимость от земных духовных лидеров...

Или при потере веры в человека действительно есть опасность потерять веру в Бога?

Нет и еще раз нет. Писание не раз противопоставляет упованию на человека упование на Бога. Вспомните хотя бы 17-ю главу Иеремии (одно из самых любимых моих мест Писания). Кажется, все ясно – проклят тот, кто делает плоть своею опорой, тот, кто уповает на человека. Но почему же так живуче это упование на людей?

В некоторых конфессиях выработан целый свод учений о посредниках. Многие считают, что для доступа к Богу и даже ко Христу нужны еще дополнительные помощники. Понимая, что земные посредники могут жестоко разочаровать религиозных людей, их сделали недоступными для земной критики – посредниками между Богом и людьми назначили усопших святых. И не только святых...

В наших кругах такая догматика конечно же не прижилась, а вот зависимость от сильных личностей у многих остается.

И вот приближается такой человек к спуску в долину смертной тени. И вдруг обнаруживает, что тот, на которого он так надеялся... бессилён провести его на этом тяжелейшем этапе жизни. Здесь достаточно сильна только рука Одного. Это рука Доброго Пастыря.

И я открываю святые страницы и с неизмеримым услаждением читаю такие родные слова: Господь – Пастырь мой...

Что к этому добавить? Пожалуй, ничего добавлять и не нужно...

А. И. Вейс (Окончание следует)

Сибирские нивы №3-4, 2017

Очередной поворот

Дописывал предыдущую часть своего повествования и считал, что на том и закончу свидетельство. Казалось, все к этому располагало: упоминание Доброго Пастыря и утверждение Его достаточности, чтобы провести нас и чрез жизнь, и чрез смерть. Но... Раздался телефонный звонок и – пишу теперь окончание.

Дистанция увеличивает тяжесть груза... Это смысловой перевод одной из немецких поговорок. Я слышал ее не раз из уст старшего поколения моих родных. Теперь испытываю на себе ее правдивость...

Долгое время я не мог сказать, что у меня сильно ухудшалось самочувствие. Не было и значительных ухудшений в показаниях медицинских обследований. Напротив, медики порой удивлялись моим хорошим анализам крови. Состояние стало более стабильным. Метастазы в костях и лимфоузлах оставались без изменений, и лишь очаг в легком показывал некоторое увеличение. По этой причине мне несколько месяцев назад усилили химиотерапию. Усугубились побочные явления, появились новые. Но в целом было некоторое равновесие и... однообразие.

Правда, это однообразие порой прерывалось неожиданным «выпадением из строя» кого-либо из моих «коллег по онкологическому цеху» – когда у кого-то из таких же, как я, «стабильных», вдруг скоростижно обрывалась жизнь... Впрочем, некоторые считают, что это своеобразная «льгота, свойственная раку легких». Смерть при этом виде онкологии многие называют легкой. Хотя, как говорится, имеются варианты.

А иногда прямо в палате медики говорят уже лежащему на кровати и ожидающему капельницы больному, что пришли результаты обследования, и... «химию вам "пока что" делать не будем...»

В такой момент почти никто не может остаться спокойным.

Подобное событие обычно несколько всколыхнет жизнь палаты дневного стационара, но удивительно ненадолго. Здешние обитатели научились «выключать» из сознания неудобную информацию... И снова все погружается в томительное однообразие. Дни, удивительно похожие друг на друга, текут подобно каплям в системе для внутривенных инъекций. Все понимают, что раствор вот-вот закончится... Но ведь капает еще...

Вместе с тем, первоначальная волна взволнованных и сочувствующих голосов в телефонной трубке, многочисленные посещения друзей и родных, живые отклики и так необходимое мне, особенно на первых порах, соучастие и сострадание – все несколько поулеглось. Новость о моей болезни перестала быть новостью и стала уже известным и даже, пожалуй, привычным фактом. И это естественно. Это никак не говорит о равнодушии моих братьев и сестер. Отнюдь. Того огромного внимания и заботы, какие я получил от моих близких во время болезни, я вовсе не достоин... Просто жизнь продолжается, и каждому нужно заниматься своим делом. Это естественно и правильно.

А моя жизнь протекала до сих пор в некоем треугольнике: больница, аптека, дом... Слава Богу, что я не лежачий больной, и милостью Божьей этот треугольник превращается в квадрат. Четвертая составляющая – дом молитвы. Это большое преимущество. Сколько больных людей лишено этой радости – бывать в соборании святых... Порой еще участвую в проповеди...

И все же я «на коротком поводке»... Почти вся сознательная жизнь протекала в активном служении (теперь понимаю, что эта активность далеко не всегда имела правильное духовное основание). Поездки, благовестие, конференции, семинары, снова конференции, работа в издательстве, библейские курсы и библейская школа, встречи, совещания... Пестрый и насыщенный круговорот церковной жизни сменился серыми буднями болезни, анализов, процедур, общения с себе подобными и их родными в коридорах больниц и поликлиник. И тут-то под проверку подпадает то, о чем мы вдохновенно поем общим пением: *«Не в словах молитвенных речей и не в песнях жизнь души моей. Вся она сокрыта во Христе: все мои источники в Тебе!»*

В середине августа я, ожидая очередной, причем сдвоенный курс терапии – и по легким, и по костям, – попадаю в ту самую ситуацию, которую описал чуть выше. Мне отказали в дальнейшей химиотерапии. Пригласили из палаты дневного стационара пройти в ординаторскую.

Мой лечащий врач – молодая женщина. Очень подвижная и импульсивная. Человек, энергия которого порой кажется невероятной, а оптимизм – неистребимым. Она держит в руках распечатку моего мульти-спирального компьютерного томографического исследования. И... старается не смотреть мне в глаза...

– Тут у вас некоторые изменения... Инфильтративное образование... В общем эм-тэ-эс (метастаз) в нижней доле левого легкого. Большой. Это значит, опухоль приобрела резистентность (устойчивость) к используемым препаратам...

Все так же, не глядя мне в глаза, она пытается что-то предложить для дальнейшего лечения, но речь уже сильно потеряла убедительность. В ее голосе звучат нотки вины...

– Мы попробуем отправить ваши пробы на генный анализ, анализ на мутацию... И вам, может быть, назначат курс иммунотерапии...

И, по-видимому стараясь найти поддержку своим словам, протягивает листок еще одному специалисту, сидящему тут же в ординаторской, наверное более опытному, с просьбой сказать свое мнение. Та, тоже женщина, пробежав глазами описание, медленно произносит:

– Я ничего не могу сказать... Дайте мне время...

И бумажный листок неловко повисает в воздухе.

Приведи все в порядок

И вот я лечусь дома. Выписали таблетированную форму таргетной терапии и перевели на амбулаторную форму лечения. Иммунотерапия, как оказалось, в полноценном варианте стоит сотни тысяч долларов в год.

Мое основное лечение проходит на общепринятых в нашей стране основаниях, почти бесплатно. При этом большинство современных методов лечения и диагностики остаются за пределами возможного. Если же кто ищет чего-то более полноценного – должен платить просто невероятные деньги. И сколько тех, кто готов ради близкого человека залезть в немислимые долги, а потом, когда все оказывается тщетным, еще долгие годы выплачивает проценты по бесполезным уже кредитам...

Удивляет постоянство в этой области: еще две тысячи лет назад в Евангелии описан подобный случай. Женщина, страдавшая кровотечением, «много потерпела от многих врачей, истощила всё, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние» (Марк. 5, 26). Поэтому еще в начале своего онкологического пути попросил детей не идти на этот шаг... И как та женщина, упомянутая в Евангелии, ищем простого прикосновения к нашему Господу... Прикосновения, исполненного неподдельного доверия.

Все чаще приходят мысли о смерти. Их острота была, пожалуй, наибольшей сразу после неожиданного диагноза. Потом лечение и некоторая стабилизация исподволь сформировали некую надежду, что так теперь и будет: мне предстоит пусть и болезненное, но еще долгое земное бытие... Скачок в развитии болезни снова вывел на повестку дня тему смерти.

Смерть – это враг. В то же время она может стать приобретением. Не сама по себе, а лишь как дверь в вечное единение с Господом. Однако сущность смерти – противна Божьей сущности. И мы имеем право просто и естественно говорить, что любим жизнь. И не любим смерти.

Вместе с тем она неизбежна. Человекам положено однажды умереть, а потом суд... Какой будет моя смерть? Я не знаю. Не желаю надоесть однообразными мыслями, но хочу сказать, что это тоже вопрос моего доверия Богу.

И все же доверие Богу не избавляет меня от определенной ответственности...

Вспоминаю, как один из опытных служителей наставлял нас, тогда еще молодых братьев, не имеющих за спиной багажа душепопечительской работы. Он предупредил, что душепопечитель может столкнуться со случаями удивительной, но ложной духовности.

Например, многодетный отец, жалуясь на тяжесть своих семейных проблем, вдруг сообщил служителям, что уже так устал от всей суеты и неустроенности, что просит у Господа смерти...

– Сил нет нести крест, все на земле уже стало чужим, хочу успокоиться у Господа.

А каких-либо признаков болезни или иных обстоятельств, которые ставили бы на повестку дня вопрос о смерти – не наблюдается.

– Постой, – остановил его служитель, – но у тебя же большая семья... Как дети будут жить без отца? Их возраст еще не так велик, чтобы они справлялись сами. Да и о жене своей ты подумал?

Далее последовал почти образцовый ответ:

– Братья, семью я давно доверил Богу. Он обязательно поможет моей дорогой жене. Я в этом нисколько не сомневаюсь.

Однако служитель не проявил ожидаемого понимания.

– Если ты так крепко веришь, что Бог поможет твоей спутнице справиться с ответственностью за семью, то почему у тебя нет веры, что Бог и тебе силен помочь?

Ответа не последовало.

Спрятать свое нежелание нести груз ответственности о себе и семье за высокой риторикой о доверии Богу не есть доверие Богу. И это справедливо по отношению ко мне так же, как и по отношению к любому другому главе семейства...

Да, у меня уже нет сил достаточно полно благоустроить жизнь моих дорогих, доверенных мне Господом... Физическая активность в последние неделю-две упала чрезвычайно. В доме появился концентратор кислорода. Его пришлось взять в аренду. Нехватка воздуха привела к состоянию прогрессирующей усталости.

Кстати, об усталости. Прислушал как-то запись конференции германских христианских врачей на тему «Смерть и умирание». В ходе конференции прозвучал доклад, более похожий на аргументированное свидетельство верующего врача паллиативной медицины. Это медицина сопровождения смертельно больных людей, которых собственно от болезни уже не лечат. Так вот, докладчик удивил и присутствовавших на конференции, и меня.

Он задал вопрос:

– Как вы думаете, на что чаще всего и больше всего жалуются умирающие люди? В зале прозвучали ответы, созвучные моим представлениям. Большинство ответивших полагали, что речь идет о тяжелых и даже невыносимых болях. Но врач, имеющий немалый опыт сопровождения умирающих до последней черты земной жизни, сказал, что это неправильный ответ. Да, он признал, что боль – это большая проблема, но она стоит порой даже не на втором месте... А первенствует в этом списке всеподавляющая смертельная усталость.

Усталость... Она, словно обволакивающий тяжелый туман, заполняет каждую клеточку организма. Отнимает способность что-либо делать, затем двигаться и обслуживать самого себя. Она гасит все обыкновенные земные радости и медленно, но неуклонно пытается сковать и мысли...

Я на этой лесенке вниз еще только в начале пути. Кислородный концентратор и сейчас мирно гудит в моей комнате, поддерживая способность больных легких снабжать кровь кислородом. Это несколько смягчает ситуацию. Но лучше всего я себя чувствую, когда лежу... Простые прогулки на свежем воздухе стали маловозможны... Просто нет сил.

Зачем я об этом так подробно пишу?

Дело в том, что исподволь закрадывается мысль, что мне уже ничего не нужно делать. Что можно снять с себя всякую ответственность и, «успокоившись в уповании на Господа», просто ждать определенного Им часа...

Так ли это? Действительно ли я уже ни за что не отвечаю?

Я замечаю, что моя плоть не утратила своей изворотливости. И в усталости она хочет найти индульгенцию, оправдание всякому бездействию, уходу от всякой ответственности... А разве я не ответственен за дни усталости? И с какой величины усталости можно начинать оправдывать свое полное бездействие?

Усталость на известном этапе может вызывать и большую раздражительность... Я имею на это право?

Да... Не случайно молитвенные песнопения Израиля содержат такой текст: *«Не отвергни меня во время старости; когда будет оскудевать сила моя, не оставь меня...»* (Пс. 70, 9).

В первые месяцы болезни мне позвонил один из братьев:

– Бог подарил тебе возможность спокойно подготовиться к переходу, все осмыслить...

И мне действительно было и есть что осмысливать... Это касается не только прошлого. Может, кому-то это покажется недуховным, но я считаю, что если Господь дал перед отходом такую возможность, то нужно наладить не только нарушенные взаимоотношения и всех простить. Нужно также позаботиться о том, чтобы на семью не легли после моей смерти тяжелые имущественные и правовые проблемы. Следовать нужно такому правилу: если можешь – приведи все в порядок.

Есть и еще одна сторона у жизненного периода, который я сейчас прохожу. Она связана с нашими родными. Им, нашим домашним и близким, действительно бывает труднее, чем нам, умирающим. Наверное, есть все же у Господа специальная, особая милость к тем, кто входит в долину смертной тени. Так или иначе, смотреть на приступы кашля и удушья близкого человека со стороны мне было бы наверно тяжелее.

Да и уходим мы к Господу, в лучший мир, а им еще предстоит дорога. Предстоит свыкание с новой ситуацией, когда нет рядом мужа, нет папы. Я такого не пережил. Мои родители еще живы, и их благословенная старость не раз служила для меня предметом благодарности и утешения...

Так вот, готовясь к уходу, постарайся как можно более открыто и просто всё обговорить. Вплоть до некоторых деталей погребения...

Не потому, что близкие что-то сделают не так, и не потому, что это важно в плане вечных вопросов. Просто удар от потери близкого человека всегда осложняется необходимостью принятия множества пусть мелких, но необходимых решений. Если можешь – сними с родных часть груза.

Например. Большая часть моей жизни прошла в Славгороде. Там я покаяться и вошел в церковь. Там меня рукоположили. Там Господь подарил мне поразительно богатое общение с братьями и сестрами, там у меня множество родных и друзей. Там – богатая история Божьего воспитания и благословений. Там я делал и много ошибок, и там Господь работал надо мной, смиряя и научая...

Возможно, у родных появится мысль: «А может быть, папу надо похоронить в Славгороде?»

О таких вещах можно позаботиться заранее. И не оставить хотя бы в некоторых вопросах букет неясностей.

Нет. Я оказался в Азово в результате водительства Божьего. И пусть я очень люблю свою родную церковь, но теперь я в Азово. И хочу быть похоронен здесь.

Возможно, похороны будут большими. Не знаю. Возможно, кому-то будет трудно добраться до нашего села. Но... Да простят меня мои многочисленные друзья, – я никогда не любил большие похороны... Я часто не мог освободиться от чувства, что на больших похоронах так легко утратить простоту... Родным трудно вести себя естественно... И уж совсем нелегко, если на траурном служении лежит отпечаток «статусности», что ли...

Я хочу, чтобы на моих похоронах в центре проповеди оставался мой Господь Иисус Христос... А свидетельства обо мне пусть будут озвучены только те, которые возвеличивают Бога.

Ну вот, кто-то скажет, что автор статьи избыточно увлекся... Может быть. Может быть, и не пристало думать о своих похоронах. Можно ведь все доверить Господу и церкви... Как будет, так будет. Да, конечно...

Но... от избытка сердца говорят уста.

Заключение

Сегодня я еще живу. Пусть большая часть дня проходит в постели, но живу.

Да не покажется кому-либо это дерзостью, но я верю, что Господь и сегодня силен поднять и исцелить меня. Но сколько могу понимать моего Господа, мне предстоит другой путь. И я прохожу его очередной отрезок. С помощью Господа.

Что в этом отрезке?

Много милости... Много доброго...

Примеры? Удивительный мир в сердце. В самом центре моего естества... Это не моя заслуга.

Еще этот отрезок украшает удивительная забота Господа, близких и друзей обо мне. Я не смогу здесь перечислить и десятой доли проявлений этой заботы. Только отдельные примеры.

Пару месяцев назад ко мне заехали три брата. Два из Новосибирской области, один из Германии. Из далекого Хюльхорста он привез мне... электрическое инвалидное кресло. Уж на что, на что, но на это я никак не рассчитывал... В текущую осень я не раз попадал на свежий воздух и перемещался по поселку с помощью этого подарка.

А чего стоят поразительные разговоры по телефону? Вот престарелый служитель из Новосибирска с неповторимой теплотой в голосе не просто расспрашивает о моих обстоятельствах, а я слышу – он понимает меня... Вот старческий, но еще достаточно крепкий голос сестры из Отрадного поет мне в трубку: «Пусть на пороге неведомых дней сердце не дрогнет твое...»

Вот детский голосок в собрании произносит молитву о дяде Саше...

Церковь... Как часто я видел ее земные несовершенства... Как долго позволял себе носить в сердце огорчение на тех или иных братьев... Как много было негативных, осуждающих разговоров...

Порой говорят, что оппозиция в церкви должна быть... Что это положительно... Не знаю. О себе могу сказать, что однажды понял, или, лучше сказать, Господь мне дал это понять, что моя оппозиционность зачастую лишает меня способности к созидающему служению.

Я знаю, что для иммунитета церкви Господь усмотрел служение увещания и обличений – но только из любви от чистого сердца. А оппозиция, с постоянным искушением сбора негативной информации о противоположной стороне... нужна ли?

Я счастлив, что мог некоторые годы назад предстать перед широким кругом братьев и с помощью Божьей положить конец своей оппозиционности.

Теперь, в болезни, я вижу прекрасную сторону церкви... Сколько мира и радости, сколько заботы и утешения я получил и получаю через церковь... Слава Богу!

В заключение моего свидетельства выскажу пожелание: пусть настоящей славой Богу закончатся записки из онкологического центра. Пусть будет слава Богу за все.

Молю Господа, чтобы уйти в небо, благословляя Бога и людей. И надеюсь при этом не на свои силы, знания, опыт, а лишь на милость Божью...

Слава Богу за неизреченный дар Его!

А. И. Вейс